

Утром Засыпкин с большим удовольствием откушал чаю со свежайшими ватрушками, заботливо принесенными коридорным Егоркой из буфета (он же и самовар заблаговременно поставил), тщательно побрился и, надев парадный мундир, отправился представляться начальнику Кубанской области, то бишь временному генерал-губернатору. На Красной улице сел в трамвай и доехал до городского сада. Выйдя на остановке, Федор Андреевич не спеша направился на Атаманскую (бывшую Крепостную) площадь, где полюбовался памятником Екатерине Великой, открытым в мае. По случаю понедельника было нелюдно, и явилась возможность в деталях осмотреть изваяние. Обойдя величественный монумент, он направил свои стопы к Атаманскому дворцу в начале Борзиковской улицы. Резиденцию начальника области окружала каменная ограда, за которой скрывались клумбы (их выдавало устойчивое сладко-цветочное амбре, повисшее в воздухе) и диковинные деревья с кустарниками, завезенные из заграничных питомников. Возле полосатой черно-белой будки часового Засыпкин показал казаку предписание наместника на Кавказе и двинулся к парадному входу. Там его уже поджидал дежурный офицер личного конвоя наказного атамана, который и проводил к самому.

Генерал-лейтенант Михайлов восседал за огромным столом, заваленным ежедневной почтой и служебными бумагами. Засыпкин подивился переменам в облике начальника Кубанской области. С последней встречи минувшей зимой тот как-то постарел, осунулся и выглядел смертельно уставшим: усы с проседью сникли, лоб изрезали суровые морщины, глаза покры-

ла блеклая пелена... Сразу же мелькнула мысль: все, этот уже не борец — отвоевался.

— Здравия желаю, Ваше превосходительство! Позвольте представиться по случаю прибытия в Екатеринодар для устройства охранного пункта и руководства оным! Штаб-офицер для поручений при помощнике по гражданской части Наместника Его Императорского Величества на Кавказе, полковник Засыпкин.

— Полно, Федор Андреевич, полно, — Михайлов, кряхтя, выбрался из-за стола и квело пожал руку Засыпкину. — Прошу без церемоний. Сделайте милость — присаживайтесь, в ногах правды нет. Откроюсь вам: я уж, грешным делом, подумал, что в Тифлисе совсем старика забыли.

— Будьте милостивы, Николай Иванович, какой же вы старик? — успокоил пятидесятишестилетнего генерала Засыпкин. — Авось есть еще порох в пороховницах.

— Ваши бы слова, Федор Андреевич, да Богу в уши, — устало улыбнулся начальник области и присел рядом с Засыпкиным. — Пришла, видать, пора уходить мне на покой. Надобно освободить место для новых людей...

Он обреченно развел руками и вздохнул.

— Впрочем, давайте о деле, — встав, Михайлов заложил руки за спину и стал шаркать по кабинету. На попытку Засыпкина подняться махнул рукой. — Коли быть беде, то ее не минуешь... Страшно стало жить на Кубани, оставил нас Бог своими милостями. Судите сами: что ни день — Воронин рапортует о новых убиенных. Ежели какой день без жертв и эксов, то я молюсь, чтобы Господь и впредь был милостив к нам...

Он троекратно перекрестился на икону в углу про-

сторного кабинета (Засыпкин оценил набожность Михайлова, рассчитанную на эффект) и, помолчав, продолжил в доверительном тоне:

— Был грех, любезный Федор Андреевич, решил было припасть к ногам государя императора с просьбой об отставке. Но подумал: время ли нынче докучать Его величеству своей жалкой особой? Чай, осудит меня, раба Божьего, за малодушные мои намерения. А что подумает Его сиятельство граф Илларион Иванович? Эхе-хе...

Начальник области глянул на Засыпкина, пытаясь прочесть в его глазах реакцию на свою исповедь, но, наткнувшись на непроницаемый взгляд, горестно вздохнул, вновь перекрестился и сел за стол.

— Почти месяц прошел, как злодейской рукой убит правитель моей канцелярии Семен Васильевич Руденко, упокой Господь его душу, — Михайлов в очередной раз перекрестился, — но убийца так и не найден. А Воронин лишь обнадеживает: дескать, по следу идет — не сегодня-завтра заарестует злодея. Про иные жертвы террористического произвола я уж и не говорю. Да только не верю я Модесту Ильичу — не того полета птица, ой, не того, который раз на месте топчется... Только на вас, Федор Андреевич, и уповаю. В этих делах вы определенно мастак!

— Вы мне льстите, Ваше превосходительство, я не заслуживаю подобных эпитетов, — Засыпкин смиренно потупил взор, едва удержавшись от улыбки: «Каков!». — Поставлю себе за честь выполнить порученную мне Его сиятельством графом Илларионом Ивановичем миссию в Екатеринодаре. Не изволите ли сообщить о предпринятых за последнее время мерах по пресечению террористических акций и вооруженных грабежей?

Михайлов порылся в бумагах на столе, нашел нужную и, водрузив на нос пенсне, стал информировать.

«Слова, слова, слова, — Засыпкин вспомнил шекспировского Гамлета, когда начальник области пере-

числял все свои распоряжения и предписания, якобы способствующие прекращению террора. — Эдак и до второго пришествия придется ждать искоренения революционной заразы».

— ...И, наконец, — заключил начальник области, сняв пенсне, — у меня состоялось совещание 6 сентября по выработке мер борьбы с террористическими акциями и увеличившейся преступностью вообще. На него я пригласил жандармского начальника и полицейскую власть, видных представителей купеческого и мещанского сословий. Мною были высказаны предложения учредить в Екатеринодаре сыскную часть, увеличить количество городских, снабдить чинов полиции хорошим оружием. Если угодно, присутствующие (полсотни людей) единогласно меня поддержали.

«Бог ты мой! Бывает, и оглобля стреляет, — подумал Засыпкин, — но только не в этом случае». А вслух произнес:

— Разделяю ваше мнение, Николай Иванович. Дело осталось за малым — уничтожить всю эту сволочь, раскачивающую устои и основания Государства Российского! Это мой служебный долг.

Пора бы уже и заканчивать ломать комедию. Засыпкин поднялся.

— Ваше превосходительство, дозвольте откланяться! Дела ждут, никак отложить не можно.

— Да-да, любезный Федор Андреевич, я понимаю, не смею задерживать. Сам Бог мне вас прислал, буду за вас молиться...

Михайлов вяло пожал руку Засыпкину, и тот вышел из кабинета. Покидая Атаманский дворец с тяжелым чувством, Федор Андреевич понял, что помощников в наведении порядка здесь у него не будет. Настроение окончательно испортилось, и в жандармское управление к Воронину он не поехал (дело бессмысленное!), отправив только уведомление о своем прибытии в Екатеринодар. Ну что ж, и один в поле воин...

«И один в поле воин»... Легко сказать, но трудно воплотить. Засыпкин понимал, что для организации и успешной деятельности Екатеринодарского охранного пункта ему необходимо создать крепкое ядро единомышленников. Начальника Кубанской области и шефа местного жандармского управления он тотчас сбросил со счетов — ни Михайлов, ни Воронин в сподвижники не годились. Что же касается полицмейстера Екатеринодара войскового старшины Василия Елисеевича Черника, то ходили слухи о его скором оставлении должности в связи с получением нового назначения, а кто займет его место — пока не известно. Стало быть, вопрос покамест открытый.

Итак, на пустом месте надо было создавать «охранку». Федор Андреевич объективно оценивал сложившуюся ситуацию, а потому принял решение ограничить круг деятельности охранного пункта лишь городской чертой, о чем донес в Тифлис. Мол, охватить всю область своим вниманием сейчас просто невозможно: сначала нужно освободить Екатеринодар от террористов (с некоторых пор он взял в привычку называть их «негодьями» и считал вполне уместной подобную формулировку), а потом и всю Кубань. И тифлисское начальство согласилось, приняв во внимание материальную сторону вопроса. При этом он не стал открывать Америку и за основу взял, применительно к местным условиям, структуру охраняемых отделений России. В первую очередь необходимо было озаботиться внутренним агентурным наблюдением. Во главе сего подразделения (или как было принято говорить «агентурной части») нужен свой человек. Такой у Засыпкина был на примете — ротмистр Александр Васильевич Караулов, помощник начальника Эриванского ГЖУ в Карской области Кавказского наместничества. Опытный 39-летний офицер, знающий толк во всех хитросплетениях постановки агентурного дела. Руководителем же наружного наблюдения, то есть за-

ведующим филерами, Федор Андреевич предполагал поставить состоящего на службе в Тифлисском охранном отделении с октября 1906 года 37-летнего Ивана Ивановича Тимошенко, запасного вахмистра Кубанского казачьего войска. «Неважно, кто против, — полагал Федор Андреевич, — важно, кто рядом». Запрос по обеим кандидатурам был им направлен в Тифлис и нашел положительное разрешение.

План Засыпкина состоял в следующем. Он стоит во главе охранного пункта и ведает общей постановкой розыска в Екатеринодаре. Два его помощника верховодят: один — агентурой (секретными сотрудниками), другой — филерами. При этом, как того требовала инструкция по организации наружного наблюдения, филеры ни при каких условиях не должны знать лиц, состоящих секретными сотрудниками, и наоборот. Вся информация от обоих помощников стекается к нему, а он, ее уяснив и проанализировав, дает распоряжение на ликвидацию тайных подпольных групп, организаций или отдельных их членов. Согласно предписаниям инструкции по организации и ведению внутренней агентуры, все стремления политического розыска должны быть направлены к выяснению центров революционных организаций и к уничтожению их в момент наибольшего проявления деятельности, и только в отношении террористов и грабителей не должно допускаться излишнего промедления по ликвидации их.

Далее. Задержание субъектов антигосударственной деятельности и элементов, враждебных русскому государственному строю, осуществляется, главным образом, силами городской полиции и отчасти жандармскими унтер-офицерами во главе с вахмистром (всего восемь человек). Дознания по всем делам политического характера проводятся местным жандармским управлением (помимо Воронина, его помощник по Екатеринодару подполковник Александр Николаевич Кормилев и адъютант управления корнет Григорий Федорович Зенченко), а предварительное следствие

по уголовным делам, подсудным Екатеринодарскому окружному суду, осуществляется судебными следователями сего суда (1-й участок — коллежский секретарь Петр Евдокимович Гаценко, 2-й участок — надворный советник Кеворк Галустович Тер-Оганянц-Попов и 3-й участок — коллежский асессор Леопольд Антонович Гаерский) и судебным следователем по важнейшим делам (коллежский асессор Владимир Матвеевич Белоусов). В случае возникновения необходимости высылки за пределы области тех или иных лиц в административном порядке соответствующие материалы препровождаются начальнику Кубанской области на рассмотрение¹. А уж Федор Андреевич возьмет на себя труд подсказать Михайлову, кого и куда удалить. Таким образом, деятельность Екатеринодарского охранного пункта никоим образом не входит в противоречие с распоряжением помощника по гражданской части Мицкевича, а именно: функционирование вновь организуемого розыскного учреждения сообразовывалось с существующими для охранных отделений России инструкциями департамента полиции.

...На следующий после визита в Атаманский дворец день Федор Андреевич наведаясь в городскую управу на Красной улице, где встретился с городским головой надворным советником Гавриилом Степановичем Чистяковым, в ведении которого состоял надзор за правильным ходом городского управления вообще и каждого городского учреждения в особенности. Сорокалетний Чистяков, которому Засыпкин вкратце доверительно поведал о причине своего приезда в Екатеринодар, произвел весьма благоприятное впечатление: мало того, что был искренен и горел желанием всеми силами содействовать истреблению зла в городе от террора, но и участливо внял просьбе предоставить ему

необходимые сведения по Екатеринодару за текущий год. Жаль, что по причине ухудшившегося здоровья он еще летом подал прошение об отставке и со дня на день ожидал его удовлетворения — был бы хорошим спешником в трудном деле, не без сожаления отметил Засыпкин. Гавриил Степанович предложил гостю чай и свой кабинет, после чего удалился, дабы не мешать своим присутствием изучению бумаг. Федор Андреевич уютно расположился в кресле хозяина кабинета, отхлебнул из стакана чаю и углубился в чтение.

...Областной город Екатеринодар на 1 января текущего года занимает площадь 11 078 десятин и 1222 квадратных сажень земли. Собственно под город занято 898 десятин и 1400 квадратных сажень, под садами — свыше 431 десятин, под пашнями и сенокосами — 4403 десятин, под выгоном — 4066 десятин, под болотом и неудобной земли — 2030 десятин, под кирпичными, кожевенными, салотопленными и иными заводами и складами — 89 десятин и под огородами — свыше 160 десятин. Всех улиц в городе, разделенном на четыре части, насчитывается 91, протяжением в 87½ верст. Заселенных кварталов — 560, на них имеется 6173 дворов с 13 000 жилых построек.

Население Екатеринодара составляет больше 88 000 человек обоего пола, включая дворян — 1534, почетных граждан — 603, духовенства — 495, купцов — 1941, мещан и цеховых — 60 923, казаков и других военных сословий — 10 992, крестьян — 10 501, туземцев сельского состояния — 372, остальных сословий — больше 1000 человек. Сообразно национальному составу население города распределяется: русских — 79 179, армян — 3415, поляков — 2018, немцев — 1282, евреев — 558, грузин — 288, татар — 136, кавказских горцев — 55, других национальностей — 430, иностранных подданных — больше 1000 человек.

¹ В соответствии с Высочайше утвержденным мнением Государственного Совета «О местностях, объявляемых на военном положении» от 18 июня 1892 г., начальник области наделялся правами «Временного Генерал-Губернатора области», как то: передавать в военный суд дела о всяких преступлениях, общими уголовными законами предусмотренных, для суждения виновных по законам военного времени; требовать рассматривания при закрытых дверях в судах гражданского ведомства судебных дел, публичное рассмотрение коих может послужить поводом к возбуждению умов и нарушению порядка; воспрещать отдельным лицам пребывание в местностях, объявленных на военном положении; высылать отдельных лиц во внутренние губернии империи с извещением о том министра внутренних дел для учреждения за ними полицейского надзора на время не свыше продолжения военного положения.

Характерная черта Екатеринодара — это обширность территории его и масса растительности, покрывающей большую часть дворовых мест, причем почти в самом городе имеется два дубовых леса. Кроме того, есть громадный городской сад, река Карасун, заросшая камышом, с берегами, покрытыми сплошным бурьяном и ямами от глинищ. В свой черед, 122 старых фруктовых сада сплошной линией тянутся на четыре версты до юрта станицы Пашковской. Все эти местности, покрытые густой растительностью, служат приютом для злонамеренных лиц — в ночное время они легко скрываются там от преследования полиции.

В Екатеринодаре как главном городе области имеют резиденции все центральные военно-административные и другие учреждения. В торгово-промышленном отношении Екатеринодар занимает не последнее место: без малого годовой оборот его выражается в сумме свыше 32 миллионов рублей. В городе имеется 1578 торгово-промышленных заведений, 91 производственное предприятие (фабрики и заводы) с годовым оборотом свыше 10 миллионов рублей и четыре коммерческих банка, оборот которых в текущем году уже достиг 392 миллионов рублей. Пароходство «Товарищество Дицмана» отправляет из Екатеринодара в навигацию текущего года разных грузов более двух миллионов пудов и сделало оборот около 100 000 рублей.

В полицейском отношении город разделен на четыре части. Границы 1-й части простираются следующим образом: на севере — по Гоголевской улице, на востоке — по Новороссийской ветви Владикавказской железной дороги, на юге и западе — по черте города и берегу реки Кубань. Управление 1-й полицейской части находится на Базарной улице в городском здании.

2-я часть, границы: с севера — по Всесвятскому кладбищу и черте города, с востока — по Красной улице, с юга — по Гоголевской улице, с запада — по берегу реки

Кубань и черте города. Управление 2-й полицейской части — на Пашковской улице, 66, в доме Лихацкого.

3-я часть, границы: с севера — по черте города, с востока — по Новороссийской ветви Владикавказской железной дороги, с юга — по Гоголевской улице, с запада — по Красной улице. Управление 3-й полицейской части — на углу Пашковской и Динской улиц.

4-я часть, границы: на севере — по Зеленой улице, до земли станицы Пашковской, на востоке — по берегу Старой Кубани, на юге — по берегу реки Кубань, на западе — по Новороссийской ветви Владикавказской железной дороги. Управление 4-й полицейской части — на Ставропольской улице, 75.

Управление Екатеринодарской городской полиции располагается на углу Дмитриевской и Борзиковской улиц.

Штат Екатеринодарской городской полиции, еще 12 января 1897 года Высочайше утвержденный, состоит из полицмейстера, его помощника, письмоводителя и чинов наружной исполнительской полиции: четырех приставов, шести помощников их и ста вольнонаемных городских, служебные обязанности коих исключительно выражаются в несении постовой службы с целью наблюдения за тишиной, порядком и благочинием, а также для охраны общественной безопасности посредством предупреждения и пресечения преступлений и устранения несчастных случаев.

Ввиду отсутствия в штатах городской полиции других низших полицейских чинов, как то околоточных надзирателей, конных стражников, полицейских служителей и рассыльных (если не считать сих должностей, учрежденных в виде временной меры), на означенных городских лежат и другие многосторонние обязанности, а именно: ночные объезды по городу, явка на пожар для охраны имущества и содействия пожарной команде при тушении огня, конвоирование задержанных полицией и судебными местами в областную тюрьму, полицейское управление, управление Екатеринодар-

ского отдела, воинскому начальнику, в камеры мировых судей и судебных следователей. Имеет место ежедневное вручение по городу массы повесток мировых и судебных установлений как местных, так и иногородних, вручение окладных листов и извещений торговым и промышленным заведениям от Казенной Палаты и податных инспекторов по вопросу разного рода казенных пошлин, квартирного и государственного налога и прочее. Также устанавливаются наряды городских в городской театр, цирк, маскарады, концерты, увеселительные сады, на гулянья, парады, в церкви и прочее, дежурство при полицейских частях и кордегардиях. А еще — наряды от пяти до десяти городских в камеры мировых судей и на Съезды мировых судей во время разбора полицейских дел (что отвлекает городских ежедневно с 9 часов утра и до 4 часов пополудни), весьма обременительный розыск (при отсутствии адресного стола) разных лиц и вызов их в полицейское управление и в камеры полицейских приставов для объявления им разного рода бумаг, поступающих из разных правительственных учреждений России, вручение паспортов и других документов. При этом в обязанности городских, при отсутствии околоточных надзирателей, входит наблюдение за санитарным состоянием города, а также исполнение функции так называемой сыскной полиции по розыску уголовного элемента.

Вся эта разнообразная деятельность сотни человек полицейских городских на громадной территории Екатеринодара настолько переутомляет их, что они становятся неспособными к точному исполнению своих прямых обязанностей, что вредно отражается на правильном течении наружной полицейской службы. Дабы исправить такое положение, 15 сентября текущего года опубликовано «Обязательное постановление» начальника Кубанской области на основании «Правил о местностях, объявленных состоящими на военном положении». В нем устанавливается денежный сбор до снятия военного положения в общей сумме 30 000

рублей со всех домовладельцев Екатеринодара, имущество которых оценено для взимания оценочного сбора в 1000 рублей и выше. Деньги, следуемые с домовладельцев, вносятся ими в кассу Городской управы в срок по ее указанию. В случае несвоевременного взноса денег таковые взыскиваются мерами полиции в беспорядном порядке, а неисправные плательщики подвергаются заключению в тюрьме на время до трех месяцев или штрафу до 3000 рублей. 24 сентября опубликован приказ начальника области об учреждении десяти должностей пеших полицейских урядников и пятидесяти пеших стражников для ночной и дневной охраны Екатеринодара, подчиняющихся полицмейстеру, с содержанием по 240 рублей в год каждому. Означенная мера принята ввиду неотложной необходимости, не допускающей ни малейшего промедления.

В текущем году по 1-й полицейской части города задержано за преступления и административные проступки около 4000 человек, по 2-й части — свыше 2000, по 3-й — почти 1500, по 4-й — более 90 человек. В настоящее время в городской полиции налицо 160 городских, помимо начальства.

В Екатеринодарской тюрьме содержалось больше 3000 арестантов, находившихся под судом.

В городе случилось 38 пожаров (от дурного устройства печей и труб — 9, от неосторожности — 6, от поджога — 2, от других причин — 21), число погоревших дворов — 43.

...Уф-ф, память Засыпкина еле успевала впитывать полученную информацию. Ай да ну! С такой армией полицейских чинов можно быть уверенным в полном успехе порученного предприятия. Главное — правильно направлять их действия. Федор Андреевич выразил признательность городскому голове за сведения из первых рук и расстался с ним как с добрым товарищем. В знак внимания Чистяков вручил ему план Екатеринодара в цвете масштабом одна верста в дюйм. Пригодится для повседневной работы.

И, засучив рукава, Засыпкин приступил к делу. В первую голову нужно было устроить штаб-квартиру для охранного пункта. Он долго бродил по центру Екатеринодара, присматривался, принимовался, сомневался и, наконец, выбрал сдаваемый в аренду дом на Котляревской улице, 72. До главной улицы города — Красной — рукой подать, три квартала всего. Вроде и центр города, однако в стороне от присутственных мест и увеселительных заведений — ничем не примечательный дом. Одним словом — то, что нужно. Встретившись с владельцем, казаком Иваном Емельяновичем Богатыревым, проживающим неподалеку в собственном доме, Федор Андреевич представился управляющим вновь открываемой Екатеринодарской конторы Тифлисского торгового дома «Кавказский натуральный коньяк Д. З. Сараджева». Они не долго торговались, остановились на 45 рублях ежемесячно и ударили по рукам. А под конспиративную квартиру для встреч с секретными агентами Засыпкин выбрал домишко возле Покровского базара, год назад открывшегося. Не ахти какой домишко, но окрест него место было людное, бойкое, легко затеряться в толпе, не привлекая внимания. И всего-то за 25 целковых в месяц. Стало быть, с крышей над головой (даже двумя!) все сладилось. А вот с другим вопросом вышла заминка...

Когда Засыпкин гулял по Красной улице, в одном из магазинов ему приглянулась пишущая машина «Ундервуд», и он отправил в Тифлис телеграмму с просьбой о высылке 275 рублей на ее приобретение. Дóрого, вестимо дело, но для письменных занятий в охранном пункте вещь крайне нужная — все донесения начальству можно представлять в добротном виде, да и самое начальство читало бы, не утруждая себя расшифровкой неразборчивых засыпкинских каракулей. Но только пришел из Тифлиса ответ: «Ходатайство Ваше об отпуске 275 рублей на покупку пишущей машины Его превосходительство не нашел возможным удовлетворить. За заведующего особым отделом, коллежский

советник Иловайский». Вишь как поскупились! Несмотря на то что денег, выданных в Тифлисе перед отъездом, оставалось еще достаточно, Засыпкин исходил из разумной их экономии. Что касается «Ундервуда», то почти такой же экземпляр он несколькими днями позже исхитрился «экспроприировать» из канцелярии жандармского управления в отсутствие его начальника для «нужд по организации розыска». Узнав об этом, Воронин промолчал, не стал требовать реституции, но, говорят, был взбешен поступком «тифлисского наглеца и выскочки».

Между тем спустя неделю после приезда Засыпкина в Екатеринодар случилось очередное вооруженное нападение, о котором Воронин поспешил уведомить:

«22 октября около 6 часов вечера в магазин купца Ивана Матвеевича Оснача на Гоголевской улице, 68, явились двое неизвестных и, подойдя к кассе, за которой сидел зять Оснача, Никифор Стеценко, убили последнего несколькими выстрелами из револьверов. Совершив свое гнусное дело, цель которого была, очевидно, ограбление магазина, убийцы испугались и бросились бежать, опасаясь погони. На выстрелы спешил уже стражник ночной охраны Онуфрий Тимофеевич Голиков с тремя же стражниками. Преступники стали стрелять и, убив Голикова, скрылись, пользуясь замешательством других стражников. Убийцы отысканы не были. Они скрылись в наступившей темноте и оставшиеся в живых стражники даже лиц их не успели разглядеть».

Федор Андреевич занервничал: по его разумению Екатеринодар давно уж превратился в населенный пункт Северо-Американских Соединенных Штатов времен Дикого Запада, где царил бандитский произвол. Надо было поторапливаться, ибо многие магазины и лавки в Екатеринодаре и до последнего злодеяния уже стали закрываться от беды подальше, а их владельцы, ругаясь на чем свет стоит, костерили начальника области и городскую власть, подсчитывая убытки.

Торговля в городе остановилась, многие коммерсанты не захотели рисковать жизнью. И без того напуганные предыдущими убийствами чинов полиции, некоторые городовые стали манкировать службой, жандармы разом переоделись в штатскую одежду и ходили в ней на службу, не высовывая носа из здания управления на Дмитриевской улице, 83. Словом, жизнь застыла, и только конные казахи наряды, вооруженные до зубов, вносили некоторое разнообразие, патрулируя по значительно обезлюдевшим улицам в центре города, на окраины же не совались...

Вскорости из Тифлиса прибыл ротмистр Караулов. Не горя особым желанием встречаться с начальником КОЖУ, Федор Андреевич написал ему записку и вручил ротмистру: «Прошу распоряжения Вашего высокоблагородия о передаче агентуры по вверенному Вам Управлению ротмистру Караулову, прикомандированному к Екатеринодарскому охранному пункту по делам специального характера. Заведующий указанным пунктом полковник Засыпкин». Модест Ильич безропотно выполнил указание. Получив исчерпывающий инструктаж от Засыпкина, заведующий агентурной частью четыре дня встречался на конспиративной квартире у Покровского базара с каждым агентом, в том числе и с заагентурными Федором Андреевичем еще зимой. Надо признать, Караулов знал как «Отче наш» неформальные рекомендации по работе с секретными сотрудниками, в свое время услышанным от своего кумира в политическом сыске, начальника Московского охранного отделения Сергея Васильевича Зубатова. Тот внушал молодым жандармам (сам, кстати, имел только гражданский чин надворного советника): «Вы, господа, должны смотреть на сотрудника, как на любимую женщину, с которой находитесь в тайной связи. Берегите ее, как зеницу ока. Один неосторожный ваш шаг, и вы ее опозорите. Помните это, относитесь к этим людям так, как я вам советую, и они поймут вас, доверятся вам и будут работать с вами честно и само-

отверженно. Штучников гоните прочь, это не работники, это продажные шкуры. С ними нельзя работать. Никогда и никому не называйте имени вашего сотрудника, даже вашему начальству. Сами забудьте его настоящую фамилию и помните только по псевдониму. Помните, что в работе сотрудника, как бы он ни был вам предан и как бы он честно ни работал, всегда, рано или поздно, наступит момент психологического перелома. Не прозевайте этого момента. Это момент, когда вы должны расстаться с вашим сотрудником. Он больше не может работать. Ему тяжело. Отпускайте его. Выведите его осторожно из революционного круга, устройте его на легальное место, исхлопочите ему пенсию. Помните, что, перестав работать в революционной среде, сделавшись мирным членом общества, он будет полезен и дальше для государства, хотя и не сотрудником, но уже в новом положении. Вы лишаетесь сотрудника, но вы приобретаете в обществе друга для правительства, полезного человека для государства».

Обстоятельно пообщавшись со всеми секретными агентами попеременно, тет-а-тет, как того требовала инструкция, Караулов часть их отсеял и вернул за ненадобностью Воронину, а лучших (главным образом, заагентурных Засыпкиным) прибрал к рукам и каждому поставил задачи, обговоренные заранее с заведующим пунктом (если кратко — проникновение в революционные и террористические организации). Между прочим Федор Андреевич дал понять заведующему агентурной частью, что ежемесячно на содержание агентуры и агентурные расходы он предполагает тратить не более 200 рублей. Сумма не Бог весть какая, но надо в нее укладываться.

К большому сожалению Засыпкина, заведующий наружным наблюдением Тимошенко оказался задействован в Тифлисе по делу о нашумевшем эксе на Эриванской площади, и тотчас его откомандировать в Екатеринодар не сочли возможным (прибыл только 23 ноября). Но, учитывая важность постановки по-

литического розыска в Екатеринодаре, начальство прислало 1 ноября состоящего при Особом отделе 38-летнего полицейского надзирателя Иосифа Яковлевича Лубяного, который и начал подбор кандидатур для формирования штата филеров. За этим делом осуществлял контроль Засыпкин, памятуя о предписаниях инструкции, что для несения наружной наблюдательной службы необходимо выбирать строевых запасных нижних чинов, предпочтительно унтер-офицерского звания, не старше тридцати лет, кроме лиц польской и еврейской национальности. В конечном счете предпочтения были отданы лицам, главным образом ранее служившим филерами в охранных отделениях.

Каждому из принятых в штат филеров Федор Андреевич (после проверки на политическую благонадежность и личной беседы) выписывал своеобразный документ-визитку: «Предъявитель сего есть служащий Екатеринодарского охранного пункта. Заведующий сим пунктом полковник Засыпкин». При этом он строго-настрого наставлял филерам не козырять удостоверением, где ни попадая, и предъявлять его только в самых экстренных случаях, дабы не раскрывать свою принадлежность к «охранке». Впрочем, для них это была не новость.

Завершая подготовительные процедуры, Засыпкин попросил полицмейстера Екатеринодара Василия Елисеевича Черника отдать распоряжение об устройстве постоянного полицейского поста у помещения охранного пункта на Котляревской, 72 (там же Федор Андреевич обустроил себе и квартиру, перебравшись из гостиницы «Венеция»). Для отвода глаз он пустил слух, что оплачивает охрану вверенной ему конторы по реализации коньячных изделий через полицейское управление. Такое в городе практиковалось, и у соседей подозрений не возникло. А начальника Екатеринодарской городской телефонной сети Виктора Ивановича Крылова попросил хлопотать о проведении туда («в мою квартиру») телефонной связи в возможно

непродолжительном времени. Не трудно догадаться, что обе просьбы заведующего охранным пунктом были выполнены без промедления.

В первых числах ноября, проходя мимо здания купца Василия Шахова на углу Красной и Пашковской, Засыпкин заметил на нем афишу французского цирка Николя Лара «Большое спорт-аристократическое представление» с международным, как водится, чемпионатом борьбы (турецкой, русско-швейцарской и кавказской). А надо сказать, втайне от всех Федор Андреевич был ярым поклонником борьбы, которую почитал, быть может, выше, нежели даже театральные постановки. При этом умом понимал, что большая часть борцовских схваток в различных цирках России искусно срежиссирована для завлечения публики, но ничего с собой поделаться не мог — так обожал борьбу («Ах, обмануть меня не трудно! Я сам обманываться рад!»). И тогда он направил полицмейстеру Чернику предписание с надписью «совершенно секретно» для вящей убедительности: «В интересах наружного наблюдения прошу распоряжения Вашего высокоблагородия об отдаче в распоряжение охранного пункта четырех мест в цирке: одного — со стульями (для меня — у входа), двух — в местах за ложами (у прохода), одного — в галерке. Места должны быть определены и постоянны (кроме галерки)».

Весь сотканный из противоречий Засыпкин страшно ругал себя за допущенную слабость, но пытался оправдаться перед самим собой: мол, не исключено, террористы пойдут, к примеру, поглазеть на борьбу или, что тоже вероятно, замыслят убить в цирке очередного бедолагу, а там за ними будет в аккурат установлено наблюдение с последующим арестом, не доводя дела до греха. Однако в подобном оправдании своих страстей он полного удовлетворения не находил и полагал, что смалодушничал, поставив личные предпочтения выше служебных. Тем не менее, с удовольствием принял от Черника четыре контрамарки на

вход в цирк. И дело было вовсе не в деньгах — просто на каждое представление были аншлаги, билетов не купишь. А Федор Андреевич, не взыщите, рассчитывал в свободное от службы время заскакивать в цирк хотя бы и на четверть часа. Зря он занимался самообразованием — ни разу в цирк так и не сходил: недосуг было поглядеть на борцовский чемпионат, заматался весь в делах, увя.

И вот 3 ноября в канцелярию заместителя на Кавказе, а также начальнику Кубанской области, шефу местных жандармов и полицмейстеру Екатеринодара было сообщено о начале деятельности охранного пункта. Причем двум последним Засыпкин сразу же указал на их место и роль в политическом розыске.

«Начальнику Кубанского областного жандармского управления. Имею честь уведомить Ваше высокоблагородие, что организованный Екатеринодарский охранный пункт открыл свои действия, основываясь на «Положении об охранных отделениях», утвержденном министром внутренних дел, шефом жандармов П. Столыпинам 9 февраля 1907 года».

(В указанном положении признавалась главенствующая роль начальников охранных отделений или пунктов в негласных расследованиях по делам о государственных преступлениях, которым по части политического розыска подчинялись местные жандармские управления и полиция).

«Екатеринодарскому полицмейстеру. Ввиду открытия Екатеринодарского охранного пункта, приступившего ныне к выполнению служебных функций по городу Екатеринодару, покорнейше прошу распоряжения Вашего высокоблагородия:

1. Об оказании чинами городской полиции самого широкого и внимательного содействия.
2. О немедленном сообщении заведующему охранным пунктом всяких получаемых из негласных источников сведений, относящихся к политическому розыску.
3. Немедленном направлении к заведующему охранным пунктом всякого рода заявителей по делам по-

литического характера — без всякого предварительного использования таких.

4. Не могут быть применяемы без ведома заведующего охранным пунктом обыски, выемки и аресты по делам политическим.

5. О всяких происшествиях в городе, имеющих политический характер, а равно об экспроприациях и вооруженных грабежах — немедленно давать знать по телефону, после чего письменно, поступив в зависимости от полученных указаний и обстановки.

6. Всякие служебные поручения чинам полиции заведующего охранным пунктом должны приниматься к немедленному и точному исполнению».

А в Петербург ушло донесение директору департамента полиции МВД Максимилиану Ивановичу Трушевичу:

«Согласно распоряжению Его сиятельства заместителя кавказского, я был командирован 8 октября сего года для организации дела политического розыска на Северном Кавказе, причем первоначально я был снабжен полномочиями по Кубанской области и Черноморской губернии. Ввиду последовавшей затем возможности ассигнования на означенное только лишь ничтожной суммы денег, пришлось ограничиться пока съорганизованием лишь небольшого охранного пункта в Екатеринодаре, который и приступил к деятельности с 3 ноября, о чем считаю долгом довести к сведению Вашего превосходительства. Полковник Засыпкин».

И грамотно устроенное Федором Андреевичем учреждение политического розыска приступило к основательной чистке в Екатеринодаре авгиевых конюшен, выметая сильно скопившиеся за последние два года нечистоты, сиречь террористов и революционеров. Уже через два дня после официального объявления об открытии охранного пункта благодаря конфиденциально поступившей информации от агентуры были задержаны двое членов подпольной

анархистской группы с вычурным названием «Ленин», у которых были обнаружены и изъяты поддельные документы. Так, мелкая сошка, шелуха. Но Федор Андреевич стал разматывать клубок, и 7 ноября по его распоряжению был схвачен еще один анархист, на сей раз из группы с внушаемым страх названием «Кровавая рука», с уличающими его типографскими наборами шрифтов для печатания листовок и прокламаций. «Не поймал карася – поймаешь щуку!» – подтрунивал над собой Засыпкин. И уже следующая операция дала богатый улов. Вечером 11 ноября в одном из домов на Дубинке была застигнута врасплох и обезоружена группа Северо-Кавказского союза анархистов-коммунистов «Анархия» в количестве тринадцать человек. В ходе обыска дома были обнаружены и изъяты оружие, боеприпасы и типографский шрифт. А двумя днями позже в доставленные Федором Андреевичем сети попались еще четыре члена этой же группы, а также один из ее руководителей – бежавший в сентябре из Армавирской тюрьмы Сергей Аносов, годом ранее сбежавший из ссылки в Нарымском крае. При задержании он вместе с сообщником Николаем Мозговым попытались оказать сопротивление, но безуспешно. У обоих чины полиции изъяли револьверы с патронами. Но Засыпкин прекрасно понимал: ликовать рано, это было только самое начало противостояния, дальше будет потруднее. И он как в воду глядел.

Днем 21 декабря пристав 1-й части городской полиции Илья Тимофеевич Величко проходил по Красной, направляясь в свое управление на Базарной улице. Вдруг раздались выстрелы, и Величко увидел двух молодых людей, выбегавших из помещения конторы оптово-розничной торговли обувью «Наследники Иллариона Котлярова». Пристав рванул за ними и схватил одного, но второй несколько раз выстрелил в голову и грудь пристава, сразив наповал. Когда о случившемся доложили начальнику охранного пункта, тот только

вздохнул: «Глупо погиб, не уберег себя». А потом отдал распоряжение Караулову:

– Александр Васильевич, голубчик! Окажите милость, к вечеру выясните имена убийц и их партийную принадлежность.

– Как прикажете, Федор Андреевич, – ротмистр быстро собрался и удалился из канцелярии пункта. В девятом часу вечера он вернулся и, не вдаваясь в подробности, принялся рассказывать:

– Наш секретный сотрудник «Кенарь» сообщил: убийцы из анархистов-коммунистов, некто Никита Гудков и Трофим Брагин. Вымогали деньги на нужды рабочего класса (так и заявили, стервецы!) у кассира конторы. Тот стал звать на помощь, его и порешили на месте. Нынче прячутся на Садах у иногороднего Степана Зайцева, кузнечных дел мастера. Будем брать, Федор Андреевич, или повременим?

– Повременим, – Засыпкин пригладил рукой волосы (он всегда так делал, принимая важные решения). – Для начала пошлем туда Тимошенко со своими людьми. Пусть проследят весь круг общения: кто приходит к негодяям, к кому сами наведываются, ну и все такое прочее. А потом разом всех, скопом...

К широкомасштабной операции по ликвидации анархистов начальник охранного пункта привлек полицию, жандармов и конные наряды казаков Первого Екатеринодарского полка, год назад вернувшегося из Маньчжурии. Аккурат к Рождеству последовали повальные аресты преступного элемента, «дружина» Засыпкина управилась в двое суток. И Екатеринодарская областная тюрьма приветливо распахнула свои двери для 74 членов Северо-Кавказского союза анархистов-коммунистов, 48 членов иных групп анархистского толка, 43 членов организации эсеров-максималистов и, подвернувшихся под руку, пяти социал-демократов. Начальник тюрьмы, Александр Павлович Шпилевой, только за голову схватился, бегая по всем корпусам тюрьмы и пытаясь расфасовать

вновь арестованных «политических» по камерам, и без того переполненным сидельцами из уголовной среды.

27 декабря, утром, в четверг из Атаманского дворца телефонировал начальник Кубанской области и запоздало поздравил Засыпкина с Рождеством Христовым.

— Уж не знаю, право, как вас благодарить, Федор Андреевич, — занудствовал в трубку Михайлов. — Ей-Богу, вы просто спасли меня!

— Прошу простить, Ваше превосходительство, но вас скверно слышно. Должно быть, помехи на линии, — Засыпкин повесил трубку, недосуг было слушать вздор из уст областного начальства.

Ближе к обеду жандармский унтер-офицер доставил заведующему охранным пунктом запечатанный конверт от Воронина. В нем оказалось письмо с поздравлениями, неожиданно заканчивающееся: «... Ожидая дальнейших Ваших указаний, препоручаю себя Вашему благорасположению и честь имею быть с глубочайшим почтением и сердечной преданностью, Милостивый Государь, Ваш покорнейший слуга полковник Воронин».

— Скажите на милость! Совсем рехнулся Модест Ильич, пора бы взять себя в руки! — Сняв письмо, Засыпкин бросил его в пышущую жаром печь. В две секунды бумага обратилась в пепел.

Вечером того же дня Федор Андреевич составил обширное донесение помощнику по гражданской части наместника на Кавказе Иустину Васильевичу Мишкевичу, в котором подробно, но без прикрас живописал бездеятельность начальника Кубанской области Михайлова и руководителя местной жандармерии Воронина в деле борьбы с террором, а также предложил действенные меры (в том числе и по кадровой части), способные кардинально изменить ситуацию. Он прекрасно понимал, что выходит за пределы своих полномочий — можно и по мордасам получить за здорово живешь! Осознавал и тот факт, что косность и рутинность, покрывшие ржавчиной весь бюрократический госу-

дарственный механизм, особенно проявлялись в канцелярии наместника на Кавказе. Но решил не останавливаться — а вдруг? Все к лучшему...

После Нового года в Екатеринодаре наступило относительное затишье. По случаю военного положения в Кубанской области, не отмененного и в 1908 году, праздничные увеселения ограничивались. Громких преступных проявлений не было, торговля отчасти наладилась, жизнь текла размеренно-спокойно, пожалуй, даже беззаботно. Но чины «охранки» отнюдь не бездельничали: Засыпкин сконцентрировал все свое внимание на систематически поступающей информации от Караулова и Тимошенко. А она того заслуживала. Стало известно, что в правителя канцелярии начальника области Руденко стрелял Александр Морозов — то ли из анархистов, то ли из эсеров, впрочем, не важно. Портфель с документами правителя канцелярии как улика был террористом уничтожен (ничего для себя интересного он в нем не обнаружил). И теперь Морозов, на счету которого было несколько вооруженных эксов и убийств, как бы потешаясь над полицией, нагло разгуливает по Екатеринодару в женской одежде, как сообщали в ежедневной рапортчике филеры, «в костюме барышни, всегда в сопровождении “кавалеров”, напудренный, подмазанный». Опытный, хитрый, вероломный террорист — виселица по нем горько плачет! Такого надо брать осторожно, без пальбы и случайных обывательских жертв. Федор Андреевич стал «прорабатывать» операцию...

Днем 18 января Засыпкин собрал на инструктирование направленных Черником городских и жандармских унтер-офицеров из КОЖУ (все заранее переоделись в гражданскую одежду), а также филеров Тимошенко, работающих по заведенному порядку только в партикулярном платье. Инструкцией предписывалось: «Одеваться филер должен, согласуясь с

условиями службы; обыкновенно же так, как одеваются в данной местности жители среднего достатка, не выделяясь своим костюмом вообще, и отдельными его частями (шапка, пальто, ботинки и прочее) в частности, из общей массы жителей». И Тимошенко строго следил за облачением вверенных ему филеров.

Битый час Федор Андреевич втолковывал им план операции и предупреждал о конспирации и крайней осмотрительности. Тут прибежал посыльный филер от Тимошенко (тот лично осуществлял наблюдение, сопровождая компанию Морозова) и сообщил, что злодей с сообщниками на Дмитриевской улице, возле дамбы. «Все уяснили, касатики? Тогда с Богом!» Во главе с Засыпкин группа добралась на место, рассредоточились, как было задумано, и затаилась. Да только казус приключился...

Морозов, на сей раз не в женском обличье, а в овчинном тулупе, и два крепких молодца шли, шумно о чем-то споря. На некотором отдалении от них плелся Тимошенко, пошатываясь, будто выпимши. Жандармский унтер-офицер в лохматой шубе, который должен был выйти навстречу негодяям и, поравнявшись с Морозовым, якобы невзначай толкнуть его плечом и извиниться: дескать, нет ли на опохмел гривен шести — душу отвести? (потерявшего равновесие Морозова должен был тут же скрутить сзади Тимошенко, а двух других — выскочившие со двора ближайшего дома городовые). Так вот сей унтер-офицер вдруг поскользнулся и растянулся прямо у ног террориста. И все бы ничего, но из шубы нескладного жандарма на снег вывалился браунинг. Все заняло доли секунды, но и того было достаточно. Морозов мгновенно выхватил из-за пазухи револьвер и, не целясь, выстрелил в лицо не успевшему подняться бедняге, вскочил на проезжавшую мимо пролетку и, сбросив с нее возницу, погнал лошадь по направлению к железнодорожным дворам на Вокзальной улице. На двух же его сообщников разом налетели городовые из подворотни и, не дав опом-

ниться, повалили мордами в снег. А не потерявший хладнокровия Засыпкин с тремя филерами бросились преследовать Морозова своим ходом. Как назло, по пути ни одного извозчика не встретили (черт бы их побрал!) и от убивца на пролетке заметно отстали...

Миновав дневное убежище для бесприютных детей «Во имя Христа Спасителя», они еще издали увидели брошенную пролетку с понурой лошадейю возле одного из железнодорожных дворов. Смышленный малолеток, лепивший снежную бабу, указал, куда побегал «дядька». Засыпкин и сотоварищи ринулись к паровозному депо железнодорожной станции. Заскочив на его территорию, обнаружили стоящий под парами паровоз возле угольного склада, а близ него — паровозную прислугу, окружившую чумазого машиниста. Тот что-то яростно кричал, энергично размахивая руками. Первым к нему подскочил сильно запыхавшийся и быстро смекнувший в чем дело Засыпкин: «Куда утек?» Машинист указал в направлении Дубинки и в двух словах объяснил, что незнакомец сунул ему под нос «ливольверт» и велел везти его отсель на паровозе. «Дык, а у меня зашлаковало топку, слышь, чистить надо!»

Через железнодорожные пути преследователи с нагнавшими их двумя городовыми двинули на Слободскую улицу. На углу с Горской они услышали истошный крик — возле одной из хат громко завывала женщина средних лет с двумя крохами на руках, ее пытались успокоить несколько соседских баб с мужиками. Оказалось, негодяй заскочил в хату и, выгнав хозяйку с детками на мороз, закрылся изнутри. В эту секунду раздался звук разбитого стекла в хате, и тут же последовал выстрел. Один из городовых, даже не охнув, с дыркой во лбу рухнул на снег как подкошенный.

— А ну вон отсюда! Бегите! — Засыпкин прыгнул под забор, потеряв шапку, и принялся стрелять по силуэту, время от времени мелькавшему в окне хаты. Его примеру последовали филеры, а местный народец кинулся врассыпную, прихватив испуганную женщину с детьми.

– Морозов, сдавайся! Ты окружен! – не своим голосом заорал Засыпкин.

В ответ раздалась три выстрела подряд. Еще один городской уткнулся в снег, пораженный в висок. Рядом с Засыпкиным чертыхнулся филер, раненный в руку и выронивший браунинг. Третья пуля вошла в забор, чуть выше головы Федора Андреевича: «Твою мать! Ловко!»

Помощи ждать было неоткуда.

– Прикройте, касатики! – выбив доску в заборе, Засыпкин юркнул во двор, пролез вперед и, согнувшись в три погибели, затаился под окном.

Филеры несколько раз пальнули по окну, и наступила тишина. Прошла, наверное, минута, и вдруг в глубине хаты грохнул выстрел, оглушив на секунду Засыпкина. Немного выждав, он залез через окно в хату и, держа в вытянутой руке наган, стал медленно продвигаться вперед. В соседней комнате в отсутствие окон было темно, хоть глаз выколи. Сдерживая дыхание, Федор Андреевич прислушался. Тишина – ни шороха, лишь с улицы доносилась глухая людская речь. Чиркнул спичкой и осмотрелся...

Возле стены, облокотившись на нее спиной и вытянув ноги, сидел Морозов и тарачился на Засыпкина выпученными глазами. В зубах негодяя застрял ствол револьвера, правая рука была откинута в сторону, а по стене, словно нимб над головой, растекалась алой краской с серо-белыми вкраплениями кровь. Начальника «охранки» едва не вывернуло наружу, но он судорожно сглотнул, сдержав спазм, и отвернулся.

– Неудобно получилось, – немного погодя изрек Федор Андреевич и, спрятав наган, обернулся. – Будь здоров, товарищ Морозов...

Выйдя на улицу, он зачерпнул нервно дрожащими пальцами горсть снега и окунул в него лицо. Потом нашел в сугробе свою шапку и приказал охранять место происшествия и вызвать судебного следователя.

Вспомнив о бабе с детьми, распорядился временно приютить их у соседей.

...Когда Засыпкин вернулся в охранный пункт, его уже поджидали Караулов и Тимошенко. Заведующий наружным наблюдением донес, что один из двух соратников Морозова, задержанных на Дмитриевской, анархист Александр Миронов (как выяснилось, ранее застреливший в Сухуме городского главу и полицейского пристава Скорикова) по дороге в участок сумел незаметно освободиться от «предупредительных связей» (наручников) и пустился наутек. Во время преследования его застрелил полицейский урядник Иван Жуковский. Такие вот дела...

Федор Андреевич вроде бы и слушал доклад Тимошенко внимательно, но в мыслях еще плутал там, в хате на Дубинке. С одной стороны, можно торжествовать – ликвидирован чрезвычайно опасный и дерзкий террорист (не каждый отважится последнюю пулю пустить себе в рот), а значит, его настигло возмездие за Руденко. Но с другой стороны, досадно, что не взял Морозова живым. Впрочем, слава Богу, сам остался цел. Засыпкин пригладил рукой прическу и наткнулся на щепы от забора, застрявшие в волосах. Глянул на них, да и сдул с ладони на пол. Пустяки, бывает и хуже. Дрожь пальцев угомонилась, сердцебиение вошло в нормальный ритм, жизнь пошла на лад.

До вечера начальник «охранки» засиделся на Котляревской: писал донесения о случившемся в несколько адресов. Караулов с Тимошенко, как водится, отлучились «по делам службы». Уже в десятом часу ротмистр вернулся и сообщил свежую информацию от агентуры: все негодяи натурально шокированы смертью Морозова, и даже наблюдаются панические настроения в их кругу. Некоторые склоняются к мысли покинуть Екатеринодар и перебраться в более тихую Харьковскую губернию...

Доклад Александра Васильевича прервал внеуроч-

но явившийся полицейский урядник Жуковский. По-ведаль, что пришел со службы домой, а на дверях приколола записка. Жена никого подозрительного возле дома не видела, возилась с детьми. Засыпкин взял помятый обрывок бумаги и прочитал: «Жди расплаты за Сашку Миронова. Группа анархистов-коммунистов “Мстители”».

— Ваше высокоблагородие, за семью боязно, — Жуковский переступал с ноги на ногу, теребя в руках шапку. — Трое деток у меня...

— Слушай сюда, служивый! — подойдя к уряднику, Засыпкин тронул его за плечо. — Ты выполнял свой долг и не изволь беспокоиться, мы тебя в обиду не дадим.

— Вы уж постарайтесь, Ваше высокоблагородие...

— Даже не сомневайся. Поставлю себе за удовольствие этих «мстителей» упрятать в тюрьму. — Засыпкин на миг задумался. — Посиди недельку дома, на службу рекомендую пока не выходить. А я полицмейстеру сообщу — полагаю, он супротив не будет. И оружие обязательно держи при себе. А теперь ступай, все обрывается.

— Дай вам Господь всех благ, — Жуковский попытался прильнуть к руке Засыпкина, но тот его отстранил.

— Господин полковник, я в долгу не останусь! — смущенный урядник поклонился, надел шапку и быстро вышел.

— Ну и порядки, — засмеялся Засыпкин, — потешил меня, касатик!

Тогда же Федор Андреевич вызвал Тимошенко, и они проболтали о делах насущных до полуночи. Видать, не зря...

Субботним утром 26 января Тимошенко с двумя филерами на Новом базаре задержали в торговых мясных рядах, что тянулись вдоль Борзиковской улицы, казака Дмитрия Северинова. Тот приятельствовал с Мироновым, и после его убийства написал

записку с угрозами Жуковскому, намереваясь расправиться с ним и его семьей...

На следующий день урядник Жуковский вышел на службу. Через пять лет, уже будучи полицейским надзирателем Екатеринодарского сыскного отделения (кстати, одним из лучших сыщиков в городе, грозой уголовников), Иван Павлович Жуковский будет представлен к ордену Святого Владимира 4-й степени за ликвидацию двух опасных членов разбойничьей шайки и спасение от смерти раненого ими пятью пулями городского...

Через пять дней были задержаны последние сообщники Морозова. В ночь на 1 февраля по указанию Засыпкина на Средней улице в Садах пристав 1-й части городской полиции Сергей Иванович Кузнецов, сменивший на этом посту убиенного Величко, и филеры Тимошенко взяли Дмитрия Шурковецкого и Федора Ашуркова (назвались крестьянами), да Матвея Гукина (отрекомендовался мещанином). Принялись их на месте обыскивать и обнаружили расписку в получении денег от имени «группы анархистов» и поддельные документы, удостоверяющие личность.

В своем служебном гроссбухе Федор Андреевич, как водится, сделал очередную отметку в соответствующей графе: «Анархисты: минус три». ■

(Продолжение следует)